

УДК 808(045)

*Л.Г. Васильев***К ОСМЫСЛЕНИЮ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РИТОРИКИ И АРГУМЕНТОЛОГИИ**

В статье рассматривается проблема базисных конститутивных признаков двух магистральных речевоздействующих парадигм – риторики и аргументологии с акцентированием особенностей первой.

Обсуждаются общеметодологические признаки риторики и различных оснований ее рассмотрения. Выделяются экстенциональный и интенциональный ракурсы риторики. Она также рассматривается с позиций применения умственных усилий с выделением и характеристикой не-рефлексивного и рефлексивного вариантов. Даются аргументы в пользу рассмотрения риторики как части аргументологии.

Ключевые слова: аргументология, логика, риторика, экстенциональность, интенциональность, рефлексия, убеждение.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-736-741

Настоящая статья предлагает не-конечное решение проблемы того, как соотносятся две важные дисциплины – риторика и аргументология. Они имеют разную историю и разный вес в современной науке. В некоторых случаях ни одна из них не признается наукой вообще. Риторика – потому что трактуется в старом, декартовом смысле, где в науку помещаются лишь дисциплины, дающие возможность получения непротиворечивого вывода на основе истинных и очевидных доводов. Аргументология – потому что характеризуется как «рenegатское» отступление от классических канонов логического рассуждения (в той же декартовой традиции) и принятием недоказуемых с точки зрения истинности или самоочевидности доводов.

В своем «Рассуждении о методе» Р. Декарт, как известно, задал рационалистическое направление; оно фактически противостоит общей тенденции развития риторики. Он считал, что риторика как наука о красноречии, как и поэзия, есть производное природного дара, а не результат исследовательской работы. Р. Декарт отдавал предпочтение математической истинности в противовес вероятности риторических силлогизмов.

Известно, что основу метода Р. Декарта составлял постулат о том, что разум (*ratio*) помогает установить истину и дисциплинировать воображение. Философ пишет об универсальности рационализма для исследовательского процесса, отстаивая преимущества исследования перед общением. Работа Р. Декарта повлияла на логиков и риториков Пор-Рояля, а те, в свою очередь, на британскую научную мысль. Логика Пор-Рояля (см.: [4]), созданная в духе картезианства, пошатнула кажущуюся незыблемость традиционной риторической теории.

Логика этой школы считали, что поскольку истина есть высшая цель жизни, единственно приемлемой моделью коммуникации является та, которая придерживается логико-математических принципов, требующих демонстрации (т. е. логического хода доказательства), основанной на четких дефинициях, аксиомах и каузальных отношениях. В такой системе не принимается принцип правдоподобия (взамен истинности), который лежал в основе предшествующей концепции риторических силлогизмов и локусных паттернов. Отрицается также потребность изучать способ выражения (элокуцию) и поиск доводов (инвенцию) по причине естественной способности человека в этих областях. Поскольку риторика не в состоянии продуцировать истины, считается, что на ее долю следует оставить лишь передачу тех принципов, которые невозможно обнаружить логико-экспериментальным путем. По мнению О.Э. Сухаревой, одна из причин, по которой рационалисты вслед за Р. Декартом исключили риторику из сферы рассмотрения, состоит в том, что они разделяли форму (сферу риторики) и содержание (область философии) [14, с. 35].

Риторика, взятая в отвлечении от аргументологии, может рассматриваться в двух отношениях: на основе принципа ее естественного исторического развития и на основе принципа простой интроспекции. Последующее изложение опирается преимущественно на второй принцип. Однако и он не создан на пустом месте, а опирается на опыт предшествующих описаний – см.: [1-5; 7-13; 15; 19; 20; 22; 24; 26; 28; 30-33 и др.].

Традиционная фракийская/древне-средиземноморская риторика подробно описана в литературе – см.: [6; 14; 18; 21; 23; 25; 27; 29 и др.], однако в территориальном отношении ее корреляции с риториками в разных частях планеты не исследованы; нет и концепции универсальной риторики – в отличие, например, от логики (второй ветви аргументологии), которая сама по себе и создавалась как наука об универсальных законах непротиворечивого получения вывода¹. Покуда мы не имеем ответа на эти вопросы, говорить о ‘классической’ риторике можно лишь применительно к западному полушарию. При этом, даже здесь классика также различается территориально: так, наиболее известный на сегодняшний день вариант риторического единства – это не триадное аристотелево представление равноценных компонентов (этос, логос и пафос), а пентадное элокуционное, вариант, идущий от Цицерона, но, по свидетельству Дж. Кеннеди, далеко не всегда наследующий собственно Цицерона, имя которого было практически неизвестно в восточном (византийском) греко-ориентированном ареале [29, с. 3].

То же касается и попыток хроносного определения – постклассического варианта риторики с его возможными разделениями временного плана (риторика раннего и позднего Средневековья; Риторика эпохи Возрождения; Риторика Нового времени; современная риторика – дробность рассмотрения может быть подчинена принятым в историографии науки периодизациям).

Определение классической риторики связано с решением еще и следующих вопросов: (а) каково взаимоотношение и предел взаимопроникновения внутрисубъектных отраслей знаний, называемых риторикой и диалектикой (логикой как наукой о рассуждении); (б) каков вклад классической традиции в религию (иудейско-христианскую риторическую традицию, в ислам, буддизм и в немировые религиозные риторические традиции); (в) каково взаимоотношение между риторикой устной и письменной речи; (г) каково взаимоотношение и приоритетность компонентов риторической ситуации – говорящего, речи и аудитории; (д) каково влияние риторики на внешние обстоятельства – политические и юридические институты; (е) как соотносится риторика с предметными областями – поэтикой, литературной критикой и т.п.

Риторика пронизывает все виды общения как социальной целенаправленной деятельности. Эта целенаправленность обычно трактуется процедурно как речевое воздействие, а статально – как убеждение. При этом в классической традиции убеждение было связано с предметом риторической ситуации, но в современной риторике оно понимается более широко, т. е. сама цель выходит за пределы собственно убеждения. И здесь представляется возможным и уместным обратиться к идеям ранней прагматики, т. е. к речеактовым теориям, а конкретно – к понятию перлокуции как своего рода программы результата речевоздействия. Например, это может быть принятие адресатом или аудиторией мнения, не совпадающего с исходным, укрепление адресата во мнении, достижение согласия, укрепление социальных связей и т. п. По мнению Дж. Кеннеди [29, с. 3], даже простая тематическая организация телефонного справочника будет обладать речевоздействующим аспектом, поскольку порядок представленности тем может воздействовать на читающего (в отличие от принятия алфавитного порядка).

Классическая риторика может быть соотнесена с понятием ‘первичная риторика’ – *primary rhetoric* [29, с. 4–6]. Первичность связывается с хроносным фактором, т. е. трактуется в понимании, близком к древнегреческому (5 в. до н.э.) – как искусство убеждать в ситуации гражданского социума и в формате устного общения. Первичная риторика предполагает речевое действие по конкретному поводу, действие, не имеющее письменной текстовой формы. Гражданский ракурс первичной риторики, невозможный в эпоху римской тирании и средневековья, тем не менее, присутствует, но не в референтном плане (по вопросам, представляющим общественный интерес), а, скорее, как некий ориентир, связанный с делиберативным (совещательным) форматом речи. Этот ориентир эксплицируется в эпоху итальянского возрождения (12–13 вв.) и далее в постклассическую эпоху в Англии и Франции. Поскольку внимание концентрируется не на внутренних свойствах речевого действия, а на том, какому событию посвящена речь, такую риторику можно именовать экстенциональной, с движением ‘от ситуации к средствам’.

Вторичная (*secondary* – [29, с. 5]) риторика тогда может именоваться интенциональной (и метаречевой), поскольку в ней основной объект – не внешнее событие, а устройство риторического аппарата, обеспечивающего реализацию любых риторических форм из заданного инвентаря, т. е. изначально как раз из текстов. Это движение ‘от средств к ситуациям’, в рамках которого центральным

¹ В этом смысле логика не является наукой о законах мышления, ибо алгоритмы (в логике) не имеют отношения к эвристикам (в мышлении) – см. иначе: [4].

моментом является рассмотрение тропов и фигур, а также топосов; при этом задействуется обращение к письменной форме дискурса. Отсюда интерес к стилистическим средствам (своеобразный маньеризм) в литературе и искусстве, и приоритет конкретных средств может меняться в зависимости от исторического периода.

Любопытно, что интенциональная риторика связана с этосом не так, как экстенциональная. В последней этос заключается в доверии к оратору и в его авторитете, т. е. создается средствами, не имеющими прямого отношения к самой риторике. В интенциональной же риторике этос создается элокутивными средствами, которым можно научиться, так что при необходимости оратор может демонстрировать свой уровень образования, умение выступать на публике, пользуясь вербальными и невербальными средствами убеждения. Элокуция становится основой для формирования средств этикета.

Средства убеждения, регистрируемые в интенциональной риторике позволяют задать коммуникативный фокус высказывания, направляя и облегчая задачу аудитории по поиску наиболее важных деталей сообщения. Сами речевые модели могут играть риторическую ориентирующую роль, например, в поэзии, придавая событийно-исторический фон содержанию, например, при варьировании стихотворного размера от ямба (или иных размеров) к гекзаметру.

Поскольку интенциональная риторика имеет выраженный инвентаризационный характер, можно считать обоснованным мнение многих специалистов по риторике, начиная с др. греков и римлян, что риторические средства имеются не только в литературе и языке, но и в архитектуре, живописи, кино, театре и иных гуманитарных отраслях. Сама инвентаризация связана, несомненно, с осмыслением риторики как науки уже начиная с ее тривиального статуса. Именно поэтому мы – вслед за Дж. Кеннеди [29] – полагаем необходимым рассмотреть риторика как минимум двух названных аспектах. Эти аспекты могут быть названы не-рефлексивным и рефлексивным.

Не-рефлексивность в предлагаемой трактовке связана в большей мере с научностью, чем с когнитивностью. Известно, что когнитивные процессы могут быть как неосознаваемыми (например, в отношении задействуемых когнитивных стилей), так и осознаваемыми. Осознанность, однако, не обязательно связана с собственно рефлексией. Так, субъект может отдавать себе отчет в том, какие именно темы, риторические приемы и языковые средства он выбирает для конкретной речи. Вместе с тем, если он не в состоянии (или не имеет желания) осуществить систематизацию и осмысление природы и пределов возможностей этих средств, он остается на уровне хотя и когнитивно-обусловленной, но не-рефлексивной риторике.

Не-рефлексивная риторика имеет место, например, в практической гомилетике, а рефлексивный аспект она обретает лишь в трудах богословов. Это представляется справедливым как для христианской религии (где риторика была составляющей богословской науки), так и для буддизма (ср. наставления Будды по поводу проведения проповедей в 6 в. до н.э.), конфуцианства (тот же период) (где риторика как отдельная дисциплина отсутствовала, по крайней мере, до конца средневековья, во всяком случае, до начала деятельности миссионеров-иезуитов) и, возможно, мусульманства.

Надо отметить, что рефлексивный характер риторике в нашем понимании следует сопоставлять прежде всего с дедуктивным методом, который ближе к объяснительному, в отличие от индуктивного, который ближе к описательному. Тогда осознанное задействование риторических техник применительно к конкретным риторическим условиям можно считать не-рефлексивным, а анализ таких техник (или их разработка) и обоснование возможности конкретики их применения – рефлексивным.

Конечно, рефлексивная риторика не ограничивается проблемой осмысления инвентаризационного аппарата, а касается проблем объекта и предмета риторике, существа риторической ситуации и т. п. В сферу ее внимания попадают также вопросы социопсихологического состояния (и развития) оратора/эмитента и аудитории – например, проблемы этоса актора и когнитивно-стилевого баланса (или хотя бы учета) актора и публики в случае коллективной коммуникации. Также к рефлексивной риторике целесообразно относить вопросы доктринального характера – принципов рациональности, наследования идей, строения риторической теории и др.

Далее, при таком понимании рефлексивной риторике достаточно важным будет вопрос (не отражающийся обычно в не-рефлексивном варианте) о соотношении и примарности риторике и аргументологии: что именно считать главенствующей системой координат и трактовать ли риторике как часть аргументологии, оставляя за ней персуазивный аспект речевоздействия. По-видимому, с позиций освещаемого подхода такая трактовка малоприемлема, поскольку заведомо предполагает узкое,

восходящее к Квинтилиану, нерелексивное понимание риторики как собственно ораторики в ее элокуционном ракурсе.

Точно так же, идея подчиненного положения аргументологии по отношению к риторике происходит, по-видимому, из древнего научного деления на 3 части, но не самой риторики, а рассматриваемого дискурсивного события, когда за *пафос* «отвечала» риторика, за *логос* – диалектика (а в естественно-языковом воплощении – аргументология), за *эмос* – обе названные области.

К обоснованию подчиненного положения аргументологии можно отнести и квинтилианову риторическую пентаду, когда в сферу аргументологии помещается *инвенция*, в сферу не-релексивной риторики – *элокуция*, *мемория* и *акция* (не-релексивной – потому что они используют уже готовые паттерны), а *диспозиция* задает область пересечения релексивной риторики (с задействованием ориентационных характеристик аргументов) и релексивной (по определению) аргументологии, в которой доводы выстраиваются в аргументы.

Но компоненты этой пентады не основаны на едином классификационном признаке: *инвенция* связана с поиском доводов и является сугубо референтной (пусть и ориентированной на память, а не только на внеличностные источники); *диспозиция* есть дискурсивная деятельность; *элокуция* в качестве объекта берет язык; *мемория* – психологию; *акция* – соединение полученного продукта в семиотикой невербального общения. Если это так, то древнее пентадное представление риторики теоретически эклектично и не выдерживает критики именно в этом отношении. Возможное возражение, что такое представление вполне нормально, ибо дает модульное представление риторики, можно принять, если четко понимать, в чем состоит организующий момент, объединяющий эти модули. В речевом воздействии? Но *инвенция* не связана напрямую с воздействием, как, впрочем, и *мемория*...

С другой стороны, если рассматривать аргументологию как мегапарадигму, в нее вполне возможно поместить риторику как отдельную парадигму – наряду с логикой, тоже отдельной парадигмой. При этом важно осознавать, что представленное выше понимание релексивной риторики как варианта риторики в целом не мешает такому подчинительному положению последней по отношению к аргументологии. Сама трактовка релексивной риторики в известном смысле дает возможность говорить о том, что эта дисциплина, задействуя рациональную сторону мышления, пересекается с аргументологией, если вообще не сливается с ней!

Представляется, что вышеприведенные рассуждения могут дать пищу для размышления, хотя и не ориентируют на проблемы насущно-утилитарного характера, возвращают нас к методологическому осмыслению как риторики, так и аргументации. Поскольку у меня нет окончательного ответа на поставленные вопросы, льщу себя надеждой, что они вызовут хотя бы минимальную дискуссию и помогут пролить свет на их существо и найти удовлетворительное решение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннушкин В.И. История русской риторики. М.: Академия, 1998. 416 с.
2. Античные риторики / Под ред. А.М. Тахо-Годио М.: Изд-во МГУ, 1978. 350 с.
3. Аристотель и античная литература / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1978. 228 с.
4. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М.: Наука, 1991. 413 с.
5. Багдасарян С.Б. Социальная природа и гносеологическая сущность риторики: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ереван, 1971. 31 с.
6. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики. М.: Наука, 1991. 215 с.
7. Брынская О.П. Систематизация основных понятий риторики, данных в трактате Аристотеля «Риторика». М.: Изд-во МГУ, 1978. 77 с.
8. Волков А. А. Курс русской риторики. – М.: Храм св. муч. Татианы при МГУ, 2001. 480 с.
9. Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаберг Ж.-М. Общая риторика. М.: Наука, 1986. 392 с.
10. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 1999. 480 с.
11. Захарова О.И. Риторика и западноевропейская музыка XVII – первой половины XVIII века: принципы, приемы. М.: Музыка, 1983. 77 с.
12. Ивин А. А. Риторика. М: Гранд; Фаир-пресс, 2002. 299 с.
13. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 482 с.
14. Сухарева О.Э. Западная риторическая традиция и проблема убедительности монолога (на материале публичной речи): дис ... канд. филол. наук / 10.02.19. Калуга: Калужский гос. пед. ун-т, 2009. 202 с.
15. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / Пер. с лат. Ф.А. Петровского и др.; Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. 470 с.

16. Чистякова И.Ю. Русская политическая ораторика первой половины XX века: этос ритора: автореф. дис. ... докт. филол. наук. 10.02.01. М., 2006.48 с.
17. Bancel P.-D. Les révolutions de la parole. Paris: Degorge: Cadot, 1869. 372 p.
18. Behrens R. Problematische Rhetorik Studien zur franzoschen Theoriebildung der Affektrhetorik zwischen Cartesismus und Fruhafklarung. München: Wilhelm Pink Verlag, 1982. 236 p.
19. Brandt W.J. The Rhetoric of Argumentation. Indianapolis: Bobbs-Merrill Co., 1970. 288 p.
20. Burke K. A Rhetoric of Motives. New York: Prentice-Hall, 1950. 287 p.
21. Charland T.M. Artes praedicandi: contribution à l'histoire de la rhétorique au Moyen Âge. Paris: Vrin, 1936. 420 p.
22. Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans F. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah: Erlbaum, 1996. 424 p.
23. Florescu V. La rhétorique et la neorhétorique: genèse, évolution, perspectives. Paris: Les Belles Lettres, 1982. 222 p.
24. Fontanier P. Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1968. 503 p.
25. Golden J.L., Berquist G.F., Coleman W.E. The Rhetoric of Western Thought. 3rd ed. Dubuque (Iowa): Kendall/Hunt, 1983. 476 p.
26. Hauser G.A. Introduction to Rhetorical Theory. New York etc.: Harper and Row, 1986. 209 p.
27. Howell W.S. Logic and rhetoric in England, 1500-1700. Princeton (N.J.): Princeton Univ. press, 1956. 411 p.
28. Kahane H. Logic and Contemporary Rhetoric. Belmont, California: Wadsworth, 1997. 369 p.
29. Kennedy, G.A. Classical Rhetoric and Its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. viii, 591 p.
30. Perelman C. L'empire rhétorique: Rhétorique et argumentation. Paris: Vrin, 1977. 196 p.
31. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
32. Richards I. The Philosophy of Rhetoric. New York: Oxford University Press, 1965. 138 p.
33. Terrasse J. Rhétorique de l'essai littéraire. Montréal: Les Presses de l'Univ. du Québec, 1977. 157 p.

Поступила в редакцию 04.02.2022

Васильев Лев Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
248023 Россия, г. Калуга, ул. С. Разина 26
E-mail: vasilevlg@tksu.ru

L.G. Vasil'ev

ON CONSIDERING INTERRELATIONS BETWEEN RHETORIC AND ARGUMENTOLOGY

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-736-741

The article discusses the problem of basic constitutive features of the two central verbal-influence paradigms, rhetorical and argumentological, with the emphasis on peculiarities of the former. General-methodological features of rhetoric and of different grounds for its consideration are discussed. Extensional and intensional sides of rhetoric are singled out. Rhetoric is also considered in view of mental efforts applied so that its reflexive and non-reflexive variants could be differentiated. Grounds for regarding rhetoric as a subdivision of argumentation are also given.

Keywords: argumentology, logic, rhetoric, extensionality, intensionality, reflexion, persuasion.

REFERENCES

1. Annushkin V.I. Istoriya russkoj ritoriki [A History of Russian Rhetoric]. M.: Akademiya, 1998. 416 p. (In Russian).
2. Antichny`e ritoriki [Ancient Rhetorics] / Pod red. A.M. Taxo-Godi M.: Izd-vo MGU, 1978. 350 p. (In Russian).
3. Aristotel' i antichnaya literature [Aristotle and Ancient Literature] / Pod red. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1978. 228 p. (In Russian).
4. Arno A., Nikol' P. Logika, ili iskusstvo my`slit' [Logic, or the Art of Reasoning]. M.: Nauka, 1991. 413 p. (In Russian).
5. Bagdasaryan S.B. Social'naya priroda i gnoseologicheskaya sushhnost' ritoriki: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk [The Social Nature and Epistemological Essence of Rhetoric: A Synopsis of the PhD Dissertation in Philosophy]. Yerevan, 1971. 31 s. (In Russian).
6. Bezmenova N.A. Ocherki po teorii i istorii ritoriki [Essays in the Theory and History of Rhetoric]. M.: Nauka, 1991. 215 s. (In Russian).

7. Bry`nskaya O.P. Sistematizaciya osnovny`x ponyatij ritoriki, danny`x v traktate Aristotelya "Ritorika" [A Systematization of Principal Ideas of Rhetoric in Aristotle's 'Rhetoric' Tractatus]. M.: Izd-vo MGU, 1978. 77 p. (In Russian).
8. Volkov A. A. Kurs russoj ritoriki [A Course in Russian Rhetoric]. M.: Khram sv. much. Tatiany` pri MGU, 2001. 480 p. (In Russian).
9. Diubua Zh., E`delin F., Klinkenberg Zh.-M. Obshhaya ritorika [General Rhetoric]. M.: Nauka, 1986 392 p. (In Russian).
10. Zaretskaya E.N. Ritorika: Teoriya i praktika rechevoj kommunikacii [Rhetoric: A Theory and Practice of Speech Communication]. M.: Delo, 1999. 480 p. (In Russian).
11. Zakharova O.I. Ritorika i zapadnoevropejskaya muzy`ka XVII – pervoj poloviny` XVIII veka: principy, priyomy` [Rhetoric and West-European Music of XVII – the First Half of the XVIIIth Centuries: Principles and Techniques]. M.: Muzyka, 1983. 77 p. (In Russian).
12. Ivin A. A. Ritorika. [Rhetoric].M: Grand; Fair-press, 2002. 299 p. (In Russian).
13. Rozhdestvenskij Yu.V. Teoriya ritoriki [A Theory of Rhetoric]. M.: Dobrosvet, 1997. 482 p. (In Russian).
14. Sukhareva O.E`. Zapadnaya ritoricheskaya tradiciya i problema ubeditel`nosti monologa (na materiale publichnoj rechi): dis ... kand. filol. nauk [Western Rhetorical Tradition and the Problem of Persuasiveness of a Monologue (Based on the Material of a Public Speech) / A PhD Dissertaion in Philology] / 10.02.19. Kaluga: Kaluzhskij gos. ped. un-t, 2009. 202 p. (In Russian).
15. Ciceron M.T. Tri traktata ob oratorskom iskusstve [Three Treatises on Oratory]. / Per. s lat. F.A. Petrovskogo i dr. / Pod red. M.L. Gasparova. M.: Nauka, 1972. 470 p. (In Russian).
16. Chistyakova I.Yu. Russkaya politicheskaya oratorika pervoj poloviny` XX veka: e`tos ritora: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [Russian Political Oratorics of the Frst Half of the XXth century: the Ethos of the Rhetorician / A Synopsis of the PhD Dissertation in Philology] / 10.02.01. M., 2006. 48 p. (In Russian).
17. Bancel P.-D. Les révolutions de la parole. Paris: Degorge: Cadot, 1869. 372 p. (In France).
18. Behrens R. Problematische Rhetoriki Studien zur franzoschen Theoriebildung der Affektrhetorik zwischen Cartesiansmus und Fruhafklarung. München: Wilhelm Pink Verlag, 1982. 236 p. (In German).
19. Brandt W.J. The Rhetoric of Argumentation. Indianapolis: Bobbs-Merrill Co., 1970. 288 p. (In English).
20. Burke K. A Rhetoric of Motives. New York: Prentice-Hall, 1950. 287 p. (In English).
21. Charland T.M. Artes praedicandi: contribution à l'histoire de la rhétorique au Moyen Âge. Paris: Vrin, 1936. 420 p. (In France).
22. Eemeren F.H. van, Grootendorst R., Snoeck Henkemans, F. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. Mahwah: Erlbaum, 1996. 424 p. (In English).
23. Florescu V. La rhétorique et la neorhétorique: genèse, évolution, perspectives. Paris: Les Belles Lettres, 1982. 222 p. (In France).
24. Fontanier P. Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1968. 503 p. (In France).
25. Golden J.L., Berquist G.F., Coleman W.E. The Rhetoric of Western Thought. 3rd ed. Dubuque (Iowa): Kendall/Hunt, 1983. 476 p. (In English).
26. Hauser G.A. Introduction to Rhetorical Theory. New York etc.: Harper and Row, 1986. 209 p. (In English).
27. Howell W.S. Logic and rhetoric in England, 1500-1700. Princeton (N.J.): Princeton Univ. press, 1956. 411 p. (In English).
28. Kahane H. Logic and Contemporary Rhetoric. Belmont, California: Wadsworth, 1997. 369 p. (In English).
29. Kennedy, G.A. Classical Rhetoric and Its Christian and Secular Tradition from Ancient to Modern Times. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980. viii, 591 p. (In English).
30. Perelman C. L'empire rhétorique: Rhétorique et argumentation. Paris: Vrin, 1977. 196 p. (In France).
31. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame; London: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p. (In English).
32. Richards I. The Philosophy of Rhetoric. New York: Oxford University Press, 1965. 138 p. (In English).
33. Terrasse J. Rhétorique de l'essai littéraire. Montréal: Les Presses de l'Univ. du Québec, 1977. 157 p. (In France).

Received 04.02.2022

Vasilev L.G., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Foreign Languages
K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
Razina st., 26, Kaluga, Russia, 248023
E-mail: vasilevlg@tku.ru